

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-385-403

EDN: YFLDSM

Научная статья / Research article

Религиозный фактор в столкновении цивилизаций с точки зрения государственно-управленческого аспекта

Н.У. Ханалиев

Министерство иностранных дел РФ,
119002, Россия, Москва, Смоленская-Сенная площадь, 30/2

 nur.han.mid@gmail.com

Аннотация. В период становления нового мирового порядка крайне важно понимать, насколько общества тех или иных государств отделены от своих правительств. Понятие цивилизации расширяет свое значение и допускает объединение обществ различных государств в единую цивилизационную форму самоопределения. При этом социально-кризисные факторы, проявляющиеся в одном обществе, едины в рамках цивилизации, что формирует механизмы по их коллективному манипулированию. Специальная военная операция России на Украине позволила понять расстановку обществ в мировых цивилизациях и понять их внутренние «правила игры».

Ключевые слова: государственное управление, религиозный фактор в государственной политике, столкновение цивилизаций, Специальная военная операция, Украина, Ближний Восток, политический ислам

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.03.2023. Принята к публикации: 24.06.2023.

Для цитирования:

Ханалиев Н.У. Религиозный фактор в столкновении цивилизаций с точки зрения государственно-управленческого аспекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 385–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-385-403>

© Ханалиев Н.У., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Religious Factor in the Clash of Civilizations from the Point of View of the State-Administrative Aspect

Nuradin U. Khanaliev

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
30/2, Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russia, 119002

 nur.han.mid@gmail.com

Abstract. In the period of the formation of a new world order, it is extremely important to understand how the societies of certain states are separated from their governments. The concept of civilization expands its meaning and allows the unification of the societies of various states into a single civilizational form of self-determination. At the same time, social crisis factors that manifest themselves in one society are united within the framework of civilization, which forms mechanisms for their collective manipulation. Russia's special military operation in Ukraine made it possible to understand the alignment of societies in world civilizations and to understand their internal "rules of the game".

Keywords: public administration, religious factor in public policy, clash of civilizations, Special military operation, Ukraine, Middle East, political Islam

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.03.2023. The article was accepted on 24.06.2023.

For citation:

Khanaliev N.U. The Religious Factor in the Clash of Civilizations from the Point of View of the State-Administrative Aspect. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):385–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-385-403>

«Новый мир», о котором писал С. Хантингтон в своем произведении «Столкновение цивилизаций», относился к периоду после «Холодной войны», когда распался Советский Союз и «Коллективный Запад» во главе с Соединенными Штатами стремился максимально быстро экспортировать свое понимание демократии и прав человека в большую часть остального мира. В этой попытке построить «новый мировой порядок» был допущен просчет, так как он включал в себя исключительно западные, в основном американские, ценности, такие, как демократия, индивидуалистические права человека, верховенство закона, неадаптированные под конкурентные страны индивидуально. Недостаток западного подхода заключался в том, что политики считали, что все «рациональные» люди согласны с их ценностями, а те, кто не согласен, считались «нецивилизованными» и, в некоторых случаях, откровенно назывались варварами [1].

За кратким периодом безуспешных попыток построить «новый мировой порядок» последовал более длительный период так называемого «нового мирового беспорядка», который продолжается до сих пор. За это время хантингтоновская парадигма «столкновения цивилизаций» стала на Западе

ключевым компонентом мировоззрения многих правопопулистских политиков. «Новый мировой беспорядок» становился все более очевидным в различных глобальных и региональных чрезвычайных ситуациях, таких как «Арабская Весна», а теперь и «украинский кризис».

Правые популисты опирались на аргумент Хантингтона о «столкновении цивилизаций» для получения электоральной выгоды, что, в более общем плане, подтвердило пророчество Хантингтона о цивилизационных конфликтах между блоками культур.

В своей книге Хантингтон обсудил два цивилизационных конфликта, которые, по его мнению, будут иметь большое значение в международных отношениях после окончания «Холодной войны»: борьбу между «исламом» и Западом и между Китаем и Западом. Утверждение Хантингтона заключалось не только в том, что Запад будет в конфликте с «ключевыми» государствами мусульманского мира, такими как, возможно, Пакистан, Египет, Саудовская Аравия и Иран, а также будет в напряженных отношениях с Китаем. Исходя из устоявшейся поговорки «враг моего врага — мой друг», Хантингтон также считал, что руководство некоторых мусульманских стран и Китая будут работать вместе, чтобы противостоять и конкурировать с Западом. Возникшее противостояние будет поддерживаться и управляться их различными системами ценностей: Запад — прославлять либеральную демократию, права человека и индивидуализм, а Китай и мусульманские страны — искать отрицательные стороны подобных ценностей [2].

Обращаясь к ключевому источнику межцивилизационного конфликта между Западом и мусульманским миром, Хантингтон считает, что разногласия после «Холодной войны» будут вызваны приверженностью каждого «блока» различным ценностям. Согласно Хантингтону *«мусульмане чаще участвовали в межгрупповом насилии, чем немусульмане, и от двух третей до трех четвертей межцивилизационных войн происходили между мусульманами и немусульманами»*. В то время как ценности Запада сосредоточены на правах человека, демократии и индивидуализме, ценности мусульманского мира, по словам Хантингтона, отличаются, — *«они не заботятся о (либеральной) демократии и (индивидуалистических) правах человека или прямо противоположны им»*.

С этим тезисом Хантингтона нельзя согласиться, так как ислам создал одну из самых блистательных цивилизаций. Хотя ислам правил двумя третями известного цивилизационного мира на протяжении не менее 11 столетий, леность и небрежение тому, что происходило за его пределами, привело к его упадку и распространению ложных парадигм, не соответствующих нормам и правилам ислама (в частности ложный стереотип о том, что в исламе нет свобод и прав человека или где ислам — там авторитаризм). Однако упадок коснулся только исламской цивилизации, но не самого ислама [3].

Критические ответы на парадигму «столкновения цивилизаций» Хантингтона подчеркивают, что цивилизации не являются автономными образованиями, цивилизации не имеют четких границ, взаимодействие между

цивилизациями исторически было повсеместным и у цивилизаций нет дискретных наборов ценностей, отделяющих их от других цивилизаций. Кроме того, влияние глобализации после «Холодной войны» еще больше подрывает утверждения Хантингтона об автономии и обособленности цивилизаций.

Когда более 25 лет назад Хантингтон утверждал, что цивилизации обладают уникальными характеристиками, он оглядывался на времена «Холодной войны», чтобы предвидеть будущее. Однако теперь ясно, что мир коренным образом менялся как раз тогда, когда Хантингтон выдвигал свою парадигму столкновения цивилизаций.

Начало 1990-х было отмечено двумя эпохальными событиями: окончанием «Холодной войны» и распадом Советского Союза, а также растущим влиянием глобализации. Глобализация очень важна, потому что она оказывает глубокое влияние на суверенитет стран и способность правительств управлять автономно, влияя на культурные, религиозные, экономические и политические процессы. Удивительно, но Хантингтона не интересует влияние глобализации на взаимодействие цивилизаций, хотя ко времени написания его книги 1996 год глобализация была горячей темой как в международных отношениях, так и в сравнительной политике. В его книге глобализация кратко упоминается лишь дважды, когда он отмечает, что «теория глобализации» понимает следствие глобализации как «обострение цивилизационного, общественного и этнического самосознания» [1].

Общепризнано, что глобализация взаимодействует с местным контекстом, историей и культурой, что приводит к тому, что социолог Роланд Робертсон называет «глокализацией». Глокализация относится к *«соприсутствию как универсализирующих, так и партикуляризирующих тенденций в современных социальных, политических и экономических системах. Она представляет собой вызов упрощенным представлениям о процессах глобализации как о линейном расширении территориальных масштабов, отражая то, как растущее значение континентальных и глобальных уровней происходит вместе с возрастающим значением местных и региональных уровней»* [4]. Другими словами, глобализация смешивается с местными факторами и приводит к возникновению глокализации, характеризующаяся ростом местной и региональной идентичности и лояльности.

При этом для Хантингтона столкновение цивилизаций сосредоточено как на международных, так и на внутренних конфликтах между различными цивилизационными образованиями. В частности, в последние годы наблюдаются вопиющие цивилизационные трения и конфликты преимущественно внутри стран, отчасти в результате глокализации. Например, некоторые акторы Коллективного Запада, политические партии и глубокий электорат выражают большую обеспокоенность перспективой широкомасштабной мусульманской эмиграции, полагая, что это приведет к значительному подрыву европейских культурных норм, будь то религиозные (Венгрия, Польша), светские (Франция, Нидерланды), или культурные (Австрия, Швейцария, Италия). К этому следует добавить страх перед так

называемым исламистским экстремизмом и терроризмом после 11 сентября, и появятся условия для того, чтобы популистские демагоги использовали социальные, политические и экономические страхи некоторых людей для получения выгоды на выборах. Это глокализация в действии: (страхи) глобально ориентированного «исламистского» терроризма взаимодействуют со страхами воздействия массовой мусульманской эмиграции на местные сообщества.

С точки зрения объективного восприятия информации использование терминологии, ассоциирующей ислам с терроризмом или экстремизмом, недопустимо. Так в мусульманской умме России указали на недопустимость попыток связывать экстремизм и терроризм с исламом и другими традиционными религиями, призвав отказаться от определения «исламский» применительно к этим социально опасным явлениям. Глава Духовного собрания мусульман России муфтий Альбир Крганов в ходе пресс-конференции в Москве выразил сожаление в связи с тем, что российские СМИ стали активно использовать словосочетание «исламский экстремизм» на фоне событий во Франции, где провокации против ислама и мусульман привели к росту насилия¹.

Выступая на круглом столе, посвященном российскому опыту межэтнического и межрелигиозного сотрудничества в противодействии международному терроризму и экстремизму, Сафаралиев заявил: *«Мне не нравится фраза, когда говорят «исламисты». Когда мы начинаем анализировать то, что происходит, кто воюет на стороне так называемого „Исламского государства“, там очень много людей разной конфессиональной принадлежности, там есть и мусульмане, и христиане, и кого только там нет. Ислам — это религия, а террористы — это террористы, они не имеют ни национальности, ни религиозной принадлежности»*².

При этом важно помнить, что с момента своего появления на Земле человечество обрело истинное умиротворение и счастье в религии. Поскольку невозможно говорить о нравственности и добродетели там, где люди не следуют истинной религии.

Как поясняет Исмаил Бьююкчклькби, *«в буквальном смысле Ислам означает «покорность, мир и спасение». В своем фундаментальном аспекте Ислам кратко определен в одной из наиболее часто цитируемых фраз Корана: «Басмала» — Во имя Бога, Милосердного (ар-Рахман), Милостивого (ар-Рахим). Оба слова родственны с «рахма» (милость и милосердие). Господь проявляет себя через свои абсолютные, всеохватные Милость и Милосердие,*

¹ Российские мусульмане осудили использование оскорбительных терминов «исламский экстремизм» и «исламский терроризм». URL: <https://islamnews.ru/rossiyskie-musulmane-prizvali-otkazatsya-ot-oskorbitelnykh-terminov-islamskiy-ekstremizm-i-islamskiy-terrorizm?ysclid=lekay3ok6o351799873> (дата обращения: 10.02.2023).

² В Госдуме предложили запретить термины «исламизм» и «исламисты» // Eadaily. 17.10.2015. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/10/17/v-gosdume-predlozhili-zapretit-terminy-islamizm-i-islamisty> (дата обращения: 10.02.2023).

и Ислам основывается на этом положении. Коран называет миссию Пророка Мухаммада «милостью для всех миров».... Ислам — это сведение воедино всех религий. Признавая Пророков и Священные Писания всех народов, Ислам подтверждает Единство Господа и Его вселенский промысел, а также универсальность религиозного опыта. Мусульмане — истинные последователи Пророков, в том числе Авраама (Ибрахим), Моисея (Муса) и Иисуса (Иса)» [3].

При этом важно напомнить слова Апти Алаудинова, подтверждающие отсутствие какого-либо противоречия в исламе и христианстве, — «у нас в отряде нет делений на национальности и вероисповедания. Мы воюем не за какой-то клочок земли, а за то, чтобы духовные ценности, которые нам ниспосланы всевышним, оставались там, где должны быть. Всю свою жизнь я себя готовил к тому, что, когда придет пророк Иса — Иисус, я буду в его войске. Да, этому будут предшествовать определенные события. До появления Иисуса появится Имам Махди, предводитель всех мусульман. Он будет находиться в мечети, когда туда войдет Иисус. Они узнают друг друга и будут вместе молиться. Этот день ознаменует объединение войска мусульман и христиан в битве против дьявола, против антихриста. Поэтому нет ничего сверхъестественного в том, что я говорю, что мы — войско Иисуса. Мы воюем против сатанистов. И победа, которую мы сегодня одерживаем — это победа над темными силами. Чтобы это понять, надо прийти к Богу. И это войско будет только пополняться»³.

Согласно мнению Г.Н. Валиахметовой, — «подъем транснационального религиозного экстремизма и его некомпетентная критика являются главной питательной средой для культивирования исламофобии в странах Запада. Обострение «исламского вопроса» выгодно политическим и идеологическим силам довольно широкого спектра как на Западе, так и в мусульманских сообществах. На фоне возрастания угроз глобальной и региональной безопасности ксенофобия выступает как фактор дестабилизации современного миропорядка» [5].

Важно и то, что, осуществляя свою информационную политику, Коллективной Запад пытается не просто создать атмосферу страха, но и стремится к формированию в обществе чувства взаимного недоверия к исламу, разделения по принципу «свой—чужой». К примеру, постоянное упоминание вместе с термином «терроризм и экстремизм» слова «исламский» тоже является одним из элементов большой стратегии манипуляции Запада. Применение со стороны ряда западных масс-медиа лексики (особенно религиозной), которую используют террористы, также играет на руку дискредитации истинного ислама. Так, ставшее повсеместным употребление термина «шахид» (дословно, — «свидетель», фактически, — «мученик») по отношению к лицам, совершающим теракты в форме самоподрыва, «джихад»

³ Командир отряда спецназа «Ахмат» Апти Алаудинов: «Мы — войско Иисуса». URL: <https://www.kp.ru/daily/27394/4589207/?ysclid=lekbv1fb9869764806> (дата обращения: 10.02.2023).

(«джихадист»), является попыткой (в глазах немусульман) ассоциировать террористов с мусульманами [6].

Данная проблема терминологического аппарата весьма распространены в обществе. Дискредитируя религию ислам в глазах всего общества, создавая недоверие к гражданам по религиозному принципу, западные политехнологии вносят раскол в современное общество, дестабилизируя его. Зачастую мусульмане, чувствуя к себе недоверие, десоциализируются, оказываются оторванными от системных социальных сред, а отдельные, в угоду Западу, оказываются «легкой добычей» для вербовщиков настоящих террористических организаций.

Именно поэтому в книге «Столкновение цивилизаций Хантингтон предложил задуматься о религии в глобальной политике. В подобном экскурсе выделяется несколько аспектов. Во-первых, Хантингтон не рассматривал религию просто как один из причинных факторов в международных отношениях. Религия для Хантингтона не была похожа на другие виды факторов, которые можно было просто вспомнить, каталогизировать и вписать в существующие парадигмы политики.

Справедливо предположить, что религия вовсе не была просто причинным фактором, а была конститутивной для международного порядка. То есть упустить религию из вида значит не просто выпасть из ряда важных переменных, но и получить неправильную формулу государственного управления потому, что религия является определяющей, конститутивной категорией политических сообществ, фундаментальным маркером, определяющим условия, на которых строится политика. Так, Хантингтон утверждает, что религия, культура и язык являются фундаментальным материалом, из которого возникают мировые цивилизации. Цивилизации не производят религию, язык и культуру, скорее из религии, языка и культуры возникают цивилизации, *«Великие религии — это фундамент, на котором покоятся великие цивилизации»* — отмечал он [7].

Утверждение Хантингтона о том, что цивилизации основаны на религии, культуре и языке, создает особую проблему для мировой общественности и даже для множественных религий (на что часто указывают в отношении «политического ислама»). Так, Мушарраф обвинил Хантингтона в разжигании христианско-мусульманского соперничества. Хотя критика Мушаррафа несколько преувеличена, она перекликается с обширной академической литературой, посвященной противоречивому тезису Хантингтона, особенно в том, как он относится к религии, и особенно в том, как он говорит об исламе⁴.

Джеффри Хейнс сводит это к следующему — *«существует синергия между христианством и либеральной демократией, ключевые основы нормативно желательного глобального порядка, построенного на индивидуалистических,*

⁴ Бывшего президента Пакистана Мушаррафа приговорили к смертной казни // РИА Новости. 17.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191217/1562472847.html> (дата обращения: 10.02.2023).

либеральных ценностях»⁵. Хантингтон противопоставляет это тому, что он называет «радикальным» исламом (включая исламизм, исламский экстремизм, исламский фундаментализм), который он назвал принципиально политическим движением, направленным на антидемократические религиозные и культурные изменения глобального порядка. Хантингтон вряд ли был одинок в этом аргументе, и действительно, события 11 сентября подкрепили его тезис о том, что воинствующий, фундаменталистский «исламизм» стремился к системной трансформации международной системы с яростным сопротивлением Западу. При этом Хантингтон допустил две принципиальные ошибки: Во-первых, одно дело утверждать, что так называемый политический ислам и христианство могут расходиться в своих подходах к либеральной демократии, и совсем другое — утверждать, что, таким образом, ислам был готов в массовом порядке бросить вызов или свергнуть либеральную демократию. Во-вторых, бесполезно, вплоть до критической ошибки, смешивать ислам и так называемым «политическим ислам», который, к примеру, существует в Иране.

Также, к примеру, зверства, совершаемые по приказу радикальных «исламистских» групп, террористическими организациями, не следует смешивать с политикой исламской партии в Малайзии, короной в Марокко или мусульманами-демократами в Тунисе. Важно подчеркнуть, что «кровавая политика» часто бывает внутрицивилизационной, т.е. зверства часто совершаются мусульманами против других мусульман (например: Иран-Ирак), что коренным образом ставит под сомнение предсказание Хантингтона о том, что конфликты между цивилизациями на «линии разлома» станут главными проблемами будущего. Это скорее конфликты на «линии разлома» внутри цивилизаций, которые, привели к наибольшему насилию. Люди, которые больше всего страдают от угрозы радикального «исламизма», часто являются другими мусульманами.

Иными словами, у Хантингтона есть проблема конкретно с исламом, и в его цивилизационном тезисе есть некоторые собственные «линии разлома» относительно согласованности его политических и культурных единиц. Но это не означает что его представление о самой религии неверно, или что рассуждения о цивилизациях, укорененных в религиозных, культурных и языковых категориях, непоследовательны или несостоятельны. Модель осмысления глобальной политики особенно полезна для осмысления силы религии в международных отношениях не только как причинного фактора, но и как конститутивного фактора (фундаментального для ее структуры и характера).

Хантингтон выделил несколько широких различий в определении понятия «цивилизация»:

⁵ Архиепископ Ремберт Джордж Уикленд // Католическая иерархия. URL: www.catholic-hierarchy.org (дата обращения: 10.02.2023).

Во-первых, согласно его мнению, существует различие между цивилизацией «в единственном числе и цивилизацией во множественном числе» [7]. Идея цивилизации, хотя и восходящая к греческому полису или династии Цинь в Китае, была французским термином, предназначенным для обозначения границы с «варварством». Цивилизация означала культуру, порядок, общество, право, ремесла, экономику и так далее.

Во-вторых, Хантингтон называл цивилизации «культурной сущностью», относящейся к общему образу жизни людей, а цивилизация — это культура в широком смысле. Сюда входят такие вещи, как нормы, ценности, институты, способы мышления. Цитируя Броделя, Валлерстайна, Доусона, Дюркгейма, Мауса, Шпенглера и многих других, Хантингтон привлекает внимание к так называемому «социальному воображаемому».

Под социальным воображаемым Тейлор имеет в виду больше, чем просто теорию или интеллектуальную структуру, он имеет в виду весь механизм, которым люди представляют себя. Это не уникально для современной эпохи, хотя Тейлор говорит, что в современном социальном воображаемом есть что-то особенное и уникальное.

Как пишет Тейлор, *«люди оперировали социальным воображаемым задолго до того, как занялись теоретизированием о самих себе»* [8]. Он пишет, что из объективных элементов, определяющих цивилизации, наиболее важным обычно является религия. Хантингтон пишет, что крупнейшие цивилизации в истории человечества были тесно связаны с великими мировыми религиями. Этническая принадлежность, язык, обычаи — все это важные подкрепляющие факторы для работы цивилизации, но религия, утверждает он, безусловно, является наиболее важной, часто способной преодолеть барьеры в языке, расе, обычаях и т.д. Это потому, что религия лежит в основе того мировоззрения, которое Тейлор называет «социальным воображаемым», которое создаёт тот самый пьедестал, на который взошло человечество и спорит между собой, но существует он еще до того, как человечество взошло на него, и обладает мощью, формирующей общество, и встроено в современную политику. Именно поэтому диалог между цивилизациями сложен, а иногда и невозможен.

В-третьих, цивилизации всеобъемлющи, и многие их части не могут быть поняты отдельно. Цивилизация — *«это самый широкий уровень идентификации, с которым один идентифицирует себя среди большинства. Они — «мы» внутри которых мы чувствуем себя как дома в культурном отношении, в отличие от других «них» там»* [9].

В-четвертых, Хантингтон говорит, что, хотя цивилизации смертны, они также очень долгоживущие. Потому, что цивилизации — это не просто империи или государства, они представляют собой целостный способ понимания мира, образ жизни, и чтобы изменить или победить его, требуется действительно серьезное испытание. И эти изменения обычно не «кончают» цивилизацию, не уничтожают весь образ жизни в одночасье, а скорее меняют понимание и практику медленно, в течение десятилетий или столетий.

В-пятых, поскольку цивилизации — это не просто культурные или политические образования, они обычно не соседствуют с одним государством или империей. Хантингтон утверждает, что цивилизация может, таким образом, состоять из одной или многих политических единиц. Отсюда термин «содружество» имеет давнюю, даже августинскую историю, который по определению является не только одной политической единицей, и он обычно связан общей культурой и пониманием. Как отмечает, Дмитрий Оболенский, — *«здесь мы могли бы говорить о «основном государстве», находящемся в центре содружества наций, некоторые из которых возмущаются, бросают вызов и даже периодически нападают, к примеру, на византийское государство»* [9].

Так, Запад все же разделяет общую православную цивилизацию, не всегда миролюбиво, не всегда слаженно, но есть некоторые основные содружества (католицизм и православие — христианство), а потому и некоторые общие моральные и политические понятия, на которые указывают эти множественные, иногда враждебные общества. Это имеет в виду Хантингтон, когда говорит о цивилизациях как о множестве политических единиц, и это может в какой-то мере помочь оправдаться от резкой критики его «исламской цивилизации».

Борьба за определение, переопределение и защиту того, что подразумевается под цивилизацией, внутри нее может быть более кровавой, чем та же самая борьба снаружи. Ничто из этого не означает, что исламские общества не могут практиковать демократию, капитализм, либеральные права человека, это просто означает, что если они будут это делать, то это будет скорее исламское, чем христианско-светское обоснование.

Хантингтон пишет: *«вероятность возникновения универсальной религии лишь немногим выше, чем универсального языка, и хотя мы наблюдаем интенсификацию религиозного сознания, это в основном усилило различия между религиями»* [1]. Его данные о мировых религиях представляют собой захват религиозных приверженцев, показывающий прогресс в населении мира, придерживающемся основных религиозных традиций, включая западных христиан, восточных христиан, мусульман, индуистов, буддистов, иудеев и атеистов. Но он упускает всемирно-историческую, формирующую цивилизацию, преобразующую воображение и создающую общество силу религии. По сути, она была переведена в банальные категории светской социальной науки двадцатого века и лишена всей ее творческой, цивилизационной энергии.

Существует распространенное предположение, что национальный характер народа в основе своей является производным от его религии, от того, чему он поклоняется, и чем вернее форма этого поклонения, тем связнее и устойчивее его национальная жизнь. Религия для Хантингтона — это не побочный продукт национальной жизни, а скорее источник, из которого возникает национальная жизнь. Таким образом, даже реализация внешней политики представляет собой прежде всего задачу оперирования фактами:

что любит сосед? Как он устроил свою общественную и национальную жизнь вокруг предметов своего поклонения? Это не чисто познавательная или философская задача исследования истории, политики и религиозных текстов, это в большей степени антропологическая задача, поскольку органическую природу наций необходимо наблюдать и, возможно, переживать, а не просто интеллектуально препарировать.

Подобно Хантингтону Кайпер скептически отнесся к любому национальному проекту, который может поддерживаться чисто светскими идеалами. Кайпер мог прийти к соглашению с исламскими народами, что он и сделал в своих путешествиях по Средиземноморью, но он нашел отрицание религиозного характера любого рода непостижимым и непоследовательным для нации [10].

В самом деле ничто так не может гарантировать установление какой-то новой авторитарной политики, как запрет дебатов по ее самым фундаментальным вопросам о том, «кто мы? что мы любим? какое это имеет значение или почему мы верим в эти вещи?». Важным моментом кайперовской традиции принципиального плюрализма является то, что нации или государства обязательно вовлечены в активные религиозно-политические дебаты о том, какие принципы являются общими, оставаясь при этом открытыми по плюралистической необходимости, чтобы люди могли не согласиться с тем, почему они их любят. Разрушить идентичность любого государства или даже цивилизации одной чисто религиозной идентичностью — значит подвергнуть ее не только радикальному национализму, но и антиплюрализму. Это был важный урок, который Кайпер в свои последние дни извлек из опыта: крещение внешней политики любой страны волей Господа — верный путь к катастрофе.

Конечно, историографически можно сказать: «Бог использует народы в истории», как он использовал Рим, Вавилон или Ассирию. Как написал Кайпер в *Pro Rege*: *«Поэтому, когда мы рассматриваем царствование Христа в его отношении к государству, мы должны смотреть не только на власть Христа над суверенами и государственными деятелями как личностями, не только на дух, который Он вызывает в законе, и не только на конфликты, которые Он вызывает, возвышаясь в сердца наций через политическую систему, и не только к влиянию, которое он оказывает через колониальные владения христианских держав и через пробуждение этой интернациональной ориентации. Помимо всего этого мы должны также рассмотреть отношения, в которых государства находятся по отношению друг к другу, и исторический результат, к которому приводят отношения между этими государствами. Свыше сплетаются узы между этими состояниями. Именно эти узы, которые сплетаются, затем развязываются и, наконец, переплетаются в новую форму, создают то, что мы называем историей народов»* [11].

Но сказать, что идентичность нации божественно предопределена значит рискнуть христианским империализмом, который ниспровергает верховную

власть Бога и обменивает ее на идола нации (царь как наместник бога на земле). Как утверждает Кайпер: *«Царство Его [Христа] не от мира сего. То, что он сейчас осознает, есть и остается царством небесным, но история царств мира должна быть поставлена на службу приходу этого царства, и именно наш Царь совершает это. Его церковь находится в мире, а не отрезана от него. Судьба и будущее его церкви зависели бы от чуждой ему силы, если бы действительно земные цари определяли ход истории в жизни мира»* [11].

Кайпер собственными глазами видел столкновение идолопоклонства, и следует помнить, что, несмотря на его непреходящую страсть к кальвинистскому христианству как надежному основанию национальной жизни, упрощенное отождествление жизни одной нации с волей Бога было великой ошибкой и ужасным злом, от которого мир не скоро оправился.

Международное право для Кайпера заключалось в признании ограничений, в которых действует власть, даже великие мировые державы. Таким образом, законы между нациями можно рассматривать как своего рода функциональное управление более глубокими нормами, в первую очередь нормами Христа и Его Царства. Кайпер написал в Pro Rege: *«Может показаться, что все в истории делается одними людьми, но на самом деле весь театр мира — это величественное рабочее место Бога, а правители, советники и командиры, совершающие эти изменения, — не более чем инструменты в Его руке»* [1].

Кайпер считал, что для того, чтобы закон был законом, чтобы он был не только обязательным, но и морально последовательным, он должен уходить корнями в христианское Евангелие. Кайпер был настроен скептически относительно возможности установления единых законов между индуистскими и мусульманскими странами, христианскими и буддистскими странами. То, что для него в результате стало катаклизмом христианства, не поколебало его уверенности в необходимости Евангелия как краеугольного камня политической жизни.

Из-за того, что Кайпер уделял особое внимание религии как основному мотиву и жизненной силе цивилизации, работа международного права, особенно в постсекулярном мировом порядке, становится не только межрелигиозным диалогом, но и межрелигиозный диалог становится политическим. Все законы, по мысли Кайпера, уходят корнями в религию. Ключ, таким образом, заключается в том, чтобы найти общую причину, которую можно найти среди соперничающих корневых систем.

Это также создает своего рода пространство для внутрицивилизационного разнообразия, когда принадлежность к более широкому «мы» не исключает реального разнообразия и споров внутри, некоторые из которых могут стать и будут кровавыми, поскольку группы будут бороться за определение и практики своей политики и культуры.

Вполне можно принять более радикальное определение религиозного фактора, данное Хантингтоном, как основу, из которой возникают мировые

цивилизации, как конститутивный, а не только причинный фактор международных отношений. Это означает, что использование религии для построения дискретных цивилизаций — непростая задача. Человеческие общества и нации, подобно человеческим сердцам, не имеют идеально упорядоченной внутренней жизни. Если человеческое сердце, как отмечает Джон Кальвин, — *«это фабрика по производству идолов»* [11], то международное общество — это промышленный комплекс по производству идолов.

Сказать, что Россия имеет «православный» отпечаток в ее общественно-политическом воображении, отчасти является верным, но не полным. Существует довольно много социального, исторического и богословского многообразия, упакованного под этот один довольно общий ярлык, но в качестве своего рода подхода можно обратить внимание на православную религию (крещение Руси) как конститутивную часть нравственной и социальной архитектуры российского государства и его самосознания. Но Россия не может претендовать на исключительную идентичность православной политики, так как это может спровоцировать появление националистических настроений в стране.

Нельзя говорить, что одно государство или даже группа государств имеет только «одно» социальное и политическое наследие. Изучение определенных политико-богословских траекторий при проведении внешней политики может быть целесообразным, но нельзя позволить этим категориям истощить эти общества, что ставит их меньшинства в очень опасное положение, и позволяет проводить националистическую политику.

Аналогичным образом сегодня на Украине происходит сращивание националистов с неонацистами, последователями бандеровцев, которые в годы Второй мировой войны по поручению гитлеровцев убивали мирных людей на оккупированных территориях.

Президент России Владимир Путин на пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай», состоявшегося в 2022 году, пояснил по этому поводу: *«одна из серьезных, фундаментальных проблем тех, кто якобы заботится о будущем Украины, так называемых украинских националистов, она заключается в том, что происходит сращивание националистического движения и неонацистского, неонацистского. Они ведь опираются на тех, кого нельзя не отнести к коллаборационистам, к нацистам, нельзя не отнести к тем, кто, как я уже говорил, по поручению гитлеровских властей уничтожали польское, еврейское, русское население на оккупированных во время Второй мировой войны территориях»*⁶.

Операционализация религии, таким образом, может также привести к смещению категорий того, что считается цивилизацией. Хантингтон

⁶ На Украине происходит сращивание националистов с неонацистами, заявил Путин // РИА Новости. 27.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221027/sraschivanie-1827347418.html?ysclid=leldx8543z360440339> (дата обращения: 10.02.2023).

упустил в своем анализе то, что движущие мотивы прежних межгосударственных войн и идеологических крестовых походов не были нерелигиозными и не были связаны со столкновением цивилизаций. Просто война девятнадцатого и двадцатого веков между государствами, находящимися в тисках конкурирующих национализма, социализма, коммунизма и либерализма, представляла собой столкновения внутри цивилизаций, столкновения, которые были такими же глубоко религиозными, как и все, что мы наблюдаем сегодня.

Как отмечает Ф. Фокуяма, *«столкновение цивилизаций происходит, но не между исламом и Западом. Настоящее столкновение происходит между основанными на традициях способами рациональности и представлениями об общем благе, и теми способами и представлениями, основанными на проекте Просвещения. Если это так, то настоящее столкновение происходит между, с одной стороны, ортодоксальным исламом и христианством, а с другой — всеми современными формами фундаментализма, независимо от того, религиозны они или секуляристски. Столкновение цивилизаций на самом деле является соперничеством братьев и сестер, поскольку отступнический Запад и радикальный глобальный исламизм происходят из одного и того же источника отступничества: постпросвещенческой современности»* [12].

Существует цивилизационное разнообразие внутри современных государств — описанных Хантингтоном блоков цивилизаций. Проблема сплоченности реальна, как верно подметил сам Хантингтон, но ответ, вероятно, кроется не в ложных и тревожных принудительных претензиях на религиозную, языковую и культурную однородность внутри государств, а скорее в более ясной, смелой и более множественной религиозной выраженности, вокруг которых вращаются эти состояния. Это делает религию более, а не менее важной в глобальных и внутренних делах, ставя ее на передний план усилий не только по достижению консенсуса по вопросам, вызывающим серьезную глобальную озабоченность, но также и по предоставлению морального стержня, вокруг которого могут действовать общие убеждения. И это именно то, что можно найти, если бы религия была конститутивным, а не просто причинным фактором в международных отношениях. Это понимание остается, одним из самых фундаментальных подходов, которые предлагает Хантингтон.

Каждая страна имеет свою самобытную культуру и особенности коллективного мышления, исходящие от ее исторических особенностей. Сегодня очень причудливым образом в международной политике перемешиваются такие понятия как глобализм и регионализм. Россия всегда стояла и стоит на позиции получения позитивного результата от процесса глобализации и безусловной минимизации негативных сторон этого же процесса. Любое развитие диалектично по своей природе и предполагает возникновение кризисных ситуаций и адаптационного процесса принятия новой реальности.

При этом новый западный правый популизм преуспел в риторическом примирении христианства и секуляризма как маркеров заявленной «цивилизованной» идентичности, одновременно объединяя ислам и конкретные «восточные» этнические особенности как ключевые признаки варварства. В результате, как утверждает К. Касториадис, новое расщепление не работает вдоль классической дихотомии религиозного и светского. Вместо этого он воскрешает колониальное разделение между цивилизованным и варварским, оба из которых содержат религиозные и нерелигиозные элементы [13].

Б. Пасамоник отмечает массовые сексуальные посягательства на женщин на улицах Кёльна и в других местах в канун Нового года 2015 года, которые, по ее мнению, совершаются в основном мусульманскими мигрантами. После этого инцидента проблема социальной и культурной интеграции в основном мусульманских меньшинств в Германии и других западных странах стала видной в общественных дебатах [13].

Пасамоник объясняет, что две противоречивые теории, связанные с объединением факта притока мигрантов в Европу из Сирии и преступление, совершенное мигрантом, контекстуализировали моральную панику. Одна теория, продвигаемая левыми либеральными кругами, стремилась подорвать или занизить роль культурных различий в массовых сексуальных посягательствах. Вторая теория, продвигаемая правым крылом в Германии, увидела основную причину событий в межкультурных различиях: то есть «столкновение цивилизаций» Хантингтона и «неизбежное столкновение» между западным и мусульманским миром.

Общая цель статьи Пасамоника состоит в том, чтобы диагностировать роль социальных и культурных факторов в массовых сексуальных посягательствах на немецких женщин в канун Нового года 2015 года, воспринимаемой некоторыми как проявление «мусульманского варварства». Спорная проблема заключалась в том, было ли это варварство, мотивированное социальными обстоятельствами, или варварством, мотивированным исламом и его якобы патриархальной культурой.

Важно также отметить, что весной 2018 года в Швеции разразились крупные дебаты о праве мусульманских мечетей на выпуск Азана, то есть публичные призывы к молитве, с помощью средств громкоговорителей. Контекст заключался в том, что имам в южном городе Вексье подал заявку на разрешение местных властей на еженедельное, 3 минуты и 45 секунд, призывая к молитве. Некоторые немусульманские жители были обеспокоены тем, что ритуал будет чрезмерно шумным и, возможно, тревожным. Эта проблема была поднята как традиционными, так и социальными сетями и быстро стала предметом интенсивных политических публичных дебатов.

Вопрос был в конечном итоге урегулирован прагматичным образом. Исламские призывы к молитве могут публично транслироваться, но они не могут быть настолько громкими, чтобы нарушать покой немусульман. Это

решение позволило правительству обойти подобную проблему, но не сделало ничего, чтобы развеять опасения растущего числа людей, которые намеревались проголосовать за правых шведских демократов. По их словам, проблема не была вопросом свободы выражения мнений или религии, как они заявили, что мусульмане в Швеции не имеют таких прав. Они были убеждены, что Азан — «инопланетная практика без законного места в шведском обществе» [2].

Не удивительно, что именно в Швеции общественными активистами в конце 2022 года был публично сожжен Коран. Реагируя на этот оскорбительный факт, Муфтий России подчеркнул: *«к большому сожалению, мы в очередной раз сталкиваемся с сатанинскими действиями в Европе. Публичное сожжение Священного Корана в столице Швеции свидетельствует о глубоко разложении европейского общества. То, что выдается за проявление свободы слова и свободы вероисповедания — на самом деле не что иное, как варварское попрание духовных ценностей человечества, которое вызывает протест не только у мусульман, но и у верующих других конфессий. Это удар по всем религиям»*⁷.

Необходимо более серьезно относиться к онтологическому вопросу. Азана действительно лучше всего понимается как практика, а не просто как выражение, и, как все практики, это является частью определенного образа жизни. Однако иностранцы не должны формировать «параллельное общество», а должны быть «интегрированы» в мейнстрим страны пребывания.

Президент России Владимир Путин в своём выступлении после французских событий чётко высказался в пользу того, что в России недопустимо подстрекать к подобной вражде указав, что Россия — это дом множества народов и культур. А Председатель Комитета Госдумы по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев предложил запретить средствам массовой информации использовать термины «исламизм» и «исламысты»⁸.

Свобода вероисповедания не должна ущемлять чувства других верующих, а сосуществовать гармонично, без конкуренции и соперничества между собой, что удалось сформировать в России в отличие от западных государств.

Как отмечает Михаил Ковальчук, *«США создали экономику услуг, которая начиная с Ковида разваливается и трещит по швам, а сами на каждом углу кричат, что у России нет экономики. Хотя в России материальная экономика. У Соединенных Штатов экономика меньше размера Германии. Сейчас идет не Специальная военная операция, а новая Ялтинская-Потсдамская*

⁷ Муфтии России выступили с протестом против сожжения Корана в Швеции // Лента.ру. 24.01.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/01/24/swdnms/?ysclid=leff24nx7m405184511> (дата обращения: 10.02.2023).

⁸ В Госдуме предложили запретить термины «исламизм» и «исламысты» // Eadaily. 17.10.2015. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/10/17/v-gosdume-predlozhili-zapretit-terminy-islamizm-i-islamisty> (дата обращения: 10.02.2023).

конференция и новое построение мира. И мы должны свое место, как тогда в Ялте занять»⁹.

Российское общество не подвергается манипуляциям на религиозной почве, граждан России невозможно (не было ни одного прецедента) спровоцировать на разжигание протестной активности на религиозной почве. Подобной толерантности нет ни в одной из стран коллективного Запада. Российское межконфессиональное общество имеет свою индивидуальную цивилизационную особенность и сложившееся самосознание. Поэтому сравнивать Россию с какой-либо культурной общностью неправильно, она представляет собой отдельную цивилизацию со своим путем развития. И сейчас, в период Специальной военной операции России на Украине, западным державам стоит помнить, что санкции — это двухсторонне оружие, которое всегда действует против тех, кто их применяет. Желание расколоть российское общество и изолировать Президента от общества приводит к абсолютно противоположному результату. Коллективный Запад таким образом не навредил, а консолидировали российское общество, а санкции привели к обратному результату трансформации российской экономики, промышленности, науки и медицины.

Год после начала СВО показывает, что коллективному Западу не удалось добиться своих целей. Общество консолидировано, существует политический консенсус всех системных сил вокруг СВО и приоритизация темы безопасности и защиты суверенитета. Одновременно с этим Россия продвигает свою повестку на международном уровне: полицентричность, антигегемонизм, антиколониализм, отрицание деления стран на цивилизованные и нецивилизованные, честный и уважительный диалог и сотрудничество со всеми, кто готов к этому¹⁰. Всё это, несмотря на то, что еще в начале прошлого столетия американские политологи писали о России как о варварах. При этом сейчас, как утверждает Министр иностранных дел России Сергей Лавров, произошел коренной перелом в системе международных отношений и Россия прекратит зависеть от поставок с Запада. «Мы сейчас создаем не просто некий процесс импортозамещения. Мы должны прекратить каким-либо образом зависеть от поставок чего бы то ни было с Запада для обеспечения, развития критически важных отраслей для безопасности, экономики и социальной сферы нашей Родины»¹¹, — подчеркнул он.

Заместитель секретаря Совета безопасности Дмитрий Медведев в этом контексте пояснил, что *«за прошедший год Россия многому научилась*

⁹ Михаил Ковальчук: «Россия должна формировать собственную научную повестку». URL: <http://nrcki.ru/product/press-nrcki/-45512.shtml> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ «Право России»: Путин послал три недвусмысленных намека Западу. URL: https://politexpert.net/23909244-_pravo_rossii_putin_poslal_tri_nedvumislennih_nameka_zapadu?ysclid=lekc35c mu1808420185 (дата обращения: 10.02.2023).

¹¹ «Это правильный путь»: Лавров призвал Россию стать независимой от поставок Запада // Газета.ру. 24.05.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/24/14896016.shtml?ysclid=lekc8qjr1d889424784> (дата обращения: 10.02.2023).

и увидела реальное лицо Запада, чьи лицемерие и оголтелая русофобия вышли за все мыслимые пределы»¹².

В свою очередь Владимир Владимирович Путин в послании к Федеральному собранию 21 февраля 2023 года озвучил новую национальную идею России, процитировав при этом Столыпина, — *«В деле защиты России мы всё должны соединить, согласовать свои усилия, свои обязанности и свои права для поддержания одного исторического высшего права — права России быть сильной»¹³*. А на прошедшем 28 февраля 2023 г. заседании коллегии ФСБ России Президент Российской Федерации подчеркнул, что *«конечно, нужно выявлять и пресекать противозаконную деятельность тех, кто пытается расколоть, ослабить наше общество, использует как оружие сепаратизм, национализм, неонацизм и ксенофобию. Это тоже всегда применялось в отношении нашей страны, а сейчас, конечно, попытки наиболее активные – попытки активизировать всю эту мразь на нашей земле»*.

Таким образом, события последнего времени продемонстрировали нахождения обществ коллективного Запада в структуре одной обобщающей их цивилизации. На плахе оказались их пороки, скрытые ранее интересы и слабые стороны. Общества западных государств продемонстрировали себя отделенными от их правительств, что дает большие возможности по манипулированию ими на их же территориях. Поэтому, новый мировой порядок уже наступил, как наступило и время России диктовать свои правила игры на мировой арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1996. № 1. С. 810.
2. Манойло А.В. Технология современных информационных войн // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 306–325.
3. Бюйюкчелеби И. Под сенью ислама. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 512 с.
4. Robertson R., Khondker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations // International Sociology. 1998. Vol. 13. № 1. P. 25–40.
5. Валиахметова Г.Н. Исламский мир — Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Наука сегодня. 2014. 4 (66). С. 7–11.
6. Ханалиев Н.У. Использование западными СМИ технологий информационной войны против роста геополитического влияния России // Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 4 декабря 2018 г. / под ред. И.А. Василенко. М.: Русайнс, 2021. С. 25–30.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.

¹² Дмитрий Медведев: Россия вновь противостоит целой империи разнообразных врагов, объединённых идеями неофашизма. URL: <https://topwar.ru/211723-dmitrij-medvedev-zapad-postavil-cel-zadushit-i-steret-nashu-stranu-s-lica-zemli.html?ysclid=lekcmtn5z0828441605> (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ Путин озвучил национальную идею РФ и пообещал от неё не отступать. URL: https://www.pravda.ru/politics/1803603-putin_poslanie/ (дата обращения: 10.02.2023).

8. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. 69. № 1. С. 19–26.
9. Оболенский Д.А. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3. С. 518.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
11. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т. 1–3. М.: РГГУ, 1997–1999. 1700 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. С. 8.
13. Касториadis К. Воображаемое установление общества. Москва: Гнозис, 2003. 480 с.

REFERENCES

1. Huntington S.A. Stolknovenie tsivilizatsii? [Clash of Civilizations?]. *Polis*. 1996;1:810 (In Russ.).
2. Manoilo A.V. Tekhnologiya sovremennykh informatsionnykh voyn [Technology of Modern Information Wars]. *Political Science*. 2017; Special issue: 307 (In Russ.).
3. Vyuyukchelebi I. Pod sen'yu islama [Under the Shade of Islam]. St. Petersburg: "DILYA Publishing House", 2006 (In Russ.).
4. Robertson R., Khondker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations. *International Sociology*. 1998;13(1):25–40.
5. Valiakhmetova G.N. Islamskii mir — Zapad: tsivilizatsionnoe izmerenie konflikta politicheskikh interesov [Islamic World — West: Civilizational Dimension of the Conflict of Political Interests]. *Science Today*. 2014;4(66):7–11 (In Russ.).
6. Khanaliev N.U. Ispol'zovanie zapadnymi SMI tekhnologii informatsionnoi voyny protiv rosta geopoliticheskogo vliyaniya Rossii [The Use of Information Warfare Technologies by Western Media Against the Growth of Russia's Geopolitical Influence]. *Image of Russia in the Context of New Challenges of the 21st Century: Materials of a Scientific Conference of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov December 4, 2018*. Ed. by I.A. Vasilenko. Moscow: Rusajns; 2021:25–30 (In Russ.).
7. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Transl. from English. Velimeeva T., Novikova Yu. Moscow: AST Publishing House LLC, 2003 (In Russ.).
8. Taylor C. Chto takoe sotsial'noe voobrazhaemoe? [What Is the Social Imaginary?]. *Emergency Reserve: A Debate on Politics and Culture*. 2010;1(69):19–26 (In Russ.).
9. Obolensky D.A. Moi vospominaniya o velikoi knyagine Elene Pavlovne [My Memories of the Grand Duchess Elena Pavlovna]. *Russian Antiquity*. 1909;3:518 (In Russ.).
10. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow: CANON-Press-C; 2001.
11. Calvin J. *Nastavlenie v khristianskoi vere* [Instruction in the Christian Faith]. Vol. 1. -3. Moscow: RGGU; 1997 (In Russ.).
12. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: AST MOSCOW: Polygraphizdat; 2010 (In Russ.).
13. Kastoriadis K. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [Imaginary Establishment of Society]. Moscow: Gnosis; 2003 (In Russ.).

Информация об авторе:

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич — доктор политических наук, советник департамента по вопросам новых вызовов и угроз, МИД России (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Information about the author:

Nuradin U. Khanaliev — Doctor of Political Sciences, Counsellor to the Department for New Challenges and Threats, Russian Foreign Ministry (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).